

A romantic couple is featured in a park setting with autumn foliage. The woman, Zlata Zorich, has blonde wavy hair and is wearing a dark green, long-sleeved, V-neck dress. She is looking directly at the camera with a slight smile. The man, who has dark curly hair and a beard, is wearing a dark suit jacket over a white shirt. He is leaning in and kissing her on the cheek, looking down at her. The background is a soft-focus park with trees having yellow and orange autumn leaves.

Злата Зорич

Развод в 45.
Теперь выбираю себя

Злата Зорич

Развод в 45. Теперь выбираю себя

«Литнет»

2025

Зорич З.

Развод в 45. Теперь выбираю себя / З. Зорич — «Литнет», 2025

Я застукала мужа с учительницей нашей дочери. На выпускном. Прямо в нашей машине. А той же ночью встретила Максима. Мужчину, рядом с которым впервые за много лет вспомнила, что такое дышать полной грудью. Но я не собираюсь начинать новые отношения. Я уверена, что больше никогда его не встречу. Только судьба решила иначе. И очень скоро Максим снова появляется в моей жизни там, где я меньше всего могла ожидать...

© Зорич З., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	20
Глава 10	22
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	28
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Я всегда знала, что есть моменты, ради которых стоит жить. Выпускной дочери был одним из таких моментов.

Моя девочка... Уже такая взрослая!

Высокая, стройная, с выправкой профессиональной гимнастки и ослепительной улыбкой. Моя идеальная, золотая дочь.

Вот она — награда за годы бессонных ночей и переживаний. За годы, когда мы с её отцом жили, дышали, бесконечно работали ради неё. Она была... результатом. Наградой. Финальным аккордом нашей семейной жизни.

— Мам, ну чего ты? — Милена подскочила ко мне, вся в ореоле цветочных духов и блёсток. — Ты опять сейчас расплачешься?

— Просто... Ты такая красивая. И взрослая. И я горжусь тобой безумно!

Она улыбнулась смущённо. А я крепче сжала её аттестат без единой четвёрки и золотую медаль в подарочной коробочке, которые я не выпускала из рук с момента награждения.

Да, впереди ещё нас ждала самая напряжённая пора — поступление, но наша умница поступит, я уверена! Она продолжит нашу династию медиков.

Я наклонилась к ней и прошептала, желая и её тоже приободрить:

— Я знаю, что ты поступишь. У тебя всё получится, зайка. Мы с папой верим в тебя...

Милена вздрогнула — как будто от моих слов её кольнуло иголкой.

— Мам... — она отступила на шаг. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Ты только не пугайся.

Я улыбнулась, не понимая ещё, что мой мир сейчас рухнет.

— Я не буду подаваться в мединский, — она подняла на меня взгляд — прямой, взрослый. — Я уже подала документы в университет дизайна и технологий.

— Прости, я не расслышала... Куда?

— В Московский государственный университет дизайна и технологий. Я хочу стать дизайнером одежды. Хочу шить.

Мне стало жарко. Потом холодно. Потом снова жарко.

— Милена, дорогая... Ты это... серьёзно? Но мы же... мы столько лет шли к нашей общей цели! Ты же сама говорила, что хочешь стать стоматологом, как папа. Или дерматологом, как я. Или педиатром, как бабушка. Или...

— Мам, это не я говорила, — перебила меня дочь. — Это *вы* говорили. Всегда.

Я смотрела на неё, свою идеальную девочку, и вдруг увидела в её глазах что-то, что пропустила, не заметила раньше.

Непреклонную волю. Горящую мечту. Собственную жизнь, не похожую на ту, которую мы изо всех сил пытались для неё построить.

— Дизайнером... одежды? — выдохнула я.

— Да.

Вокруг смеялись, танцевали. Никто и не подозревал, что у меня рушится всё. Привычная реальность трещит по швам. Расползается в руках, как бумажный кораблик под дождём.

— Мила... Давай... давай не сейчас, ладно? У нас ещё есть время. Много времени! Мы всё обсудим. Мы сядем спокойно дома и...

— Мам! — она перебила меня. — Хватит. Я уже всё решила!

Я даже не успела возразить — Милена убежала обратно к своим одноклассникам. Смеяться, веселиться, танцевать. Праздновать окончание детства.

А я застыла посреди праздничного зала, чувствуя себя такой одинокой. ..

Мне срочно нужно было с кем-то разделить свое одиночество. Мне нужен был рядом человек, который бы точно меня понял.

Где мой муж? Где он, чёрт возьми, когда он так нужен?

Я ещё не знала, что через несколько минут найду его. И пожалею о том, что вообще решила искать...

Глава 2

Мне нужно срочно рассказать ему о том, что наша гениальная девочка решила стать швейей, а мы ничего, совершенно ничего не можем с этим поделать!

Только он поймёт, какой ад сейчас творится у меня внутри. Как больно бывает, когда рушатся ожидания.

Я поспешила через зал, всматриваясь в толпу.

Но его нигде не было видно.

Почему его нет рядом? Почему он не чувствует, что сейчас очень мне нужен?

Я обошла весь банкетный зал. Столики. Танцпол. Фотозону. Даже заглянула в туалет.

Потом поспешила к выходу. Двери распахнулись, и в моё разбурявшееся лицо ударил прохладный ночной воздух. Возле ресторана стояло несколько человек, но среди них не было моего мужа.

Но вдруг я заметила, что в нашей машине, которая была припаркована чуть в стороне от остальных, мелькнула ... тень. Силуэт. Кто-то был внутри. И этот кто-то... двигался?

Неужели мы забыли закрыть машину? Сегодня мы оба так торопились, нагруженные букетами и подарками, что вполне могли забыть...

Кто же забрался туда? Воры, которые прямо сейчас обыскивают бардачок в поисках наличных? А может — что ещё хуже — парочка школьников, решившая уединиться?

Я сразу же рванула к машине, полная решимости защитить честно нажитую собственность. Схватила за ручку — и с силой дёрнула её. Дверь распахнулась настежь.

И я стала свидетельницей сцены, которую невозможно забыть.

Мой муж. Отец моей дочери.

Лежит сверху на женщине.

Она — молодая, красивая. Длинные голые ноги, задранные вверх. Волосы рассыпаны по сиденью, как золотая паутина. И... что самое странное — она удивительно похожа на меня.

На меня лет двадцать тому назад.

Я узнала её сразу — это учительница английского нашей дочери. Та самая, что так тепло отзывалась о Милене. Та самая, что всегда говорила мне: *«У вас такая чудесная дочь!»*.

И, видимо, в какой-то момент, мой муж тоже показался ей особенно чудесным.

Они оба одновременно повернули ко мне головы.

Муж отстранился от распростёртого под ним тела, учительница судорожно поправила платье. Но это всё уже было не важно.

Важна только одна мысль, которая наживую режет меня пополам, без всякой анестезии: он изменил мне.

Мой мир снова рушится — но на этот раз громко, убийственно, разлетаясь острыми осколками, которые впиваются мне прямо в сердце.

— Юля... — шепчет муж. Глаза огромные и испуганные, как у животного, пойманного в капкан.

Но я ничего не слышу.

Потому что в этот момент во мне умирает всё. Все наши планы на жизнь. Вся наша совместная история.

— Дорогая, это... Это не то, что ты подумала! — мой дорогой муж, умник и интеллектуал, не придумал ничего лучше, чем сказать эту глупую, пошлейшую фразу.

Я смотрю на её юбку, задранную до неприличия. На след от помады у него на шее. На его ремень, который он так и не застёгнул.

Что тут можно ещё подумать, кроме очевидного?

И я резко развернулась и пошла прочь.

Глава 3

Пошла, а затем почти побежала.

Полноценно бежать, увы, я не могла: шпильки цеплялись за каждую трещину в асфальте, а платье — это чёртово узкое платье, в котором ещё час назад я чувствовала себя самой красивой среди мамочек — будто удерживало меня в капкане. Но я всё равно старалась двигаться быстро, желая только одного — оказаться как можно дальше от того места, мой мужа прямо сейчас тщетно пытается застегнуть ширинку.

До моего слуха доносилась музыка из ресторана. Люди сейчас смеются, радуются, танцуют... Я тоже собиралась станцевать с мужем пару медленных танцев. Вспомнить молодость, так сказать. Но он, кажется, уже вспомнил её. Не со мной...

К горлу подступил комок. Я схватилась за перила какого-то маленького магазинчика. Мне трудно дышать — в груди мало воздуха. Я хватаюсь за неё ладонью — как будто пытаюсь удержать раскалывающуюся грудную клетку.

Проходящая женщина бросает на меня встревоженный взгляд:

— Вам плохо?

— Нет, — ответила я, сама удивляясь тому, насколько сильно дрожит мой голос. — Всё хорошо.

Какое «хорошо»? Я не уверена, что это «хорошо» когда-нибудь в моей жизни снова будет. Сейчас кажется, что эта невыносимая боль никогда не уйдёт.

— Юля! Юля, подожди! — вдруг голос мужа ударил мне в спину.

Я даже не оглянулась — не хочу сейчас видеть его.

— Позволь мне объяснить!

Что он может мне объяснить? *Я это видела.* Своими собственными глазами. А если он начнёт рассказывать мне сказки о том, что это было недоразумение, ошибка, импульс...

Лёгкая дрожь пробежала по ногам в тот момент, когда я представила, как муж будет лепить мне эти идиотские отмазки. Я не выдержу. Я просто сорвусь. Начну бить по его красивому, ещё недавно любимому и дорогому лицу изо всех сил. Вцеплюсь в него ногтями. Захочу сделать ему так же больно, как он сделал мне. Обрушиться на него бурлящим адом, который прямо сейчас раздирает меня изнутри.

Да, именно так — воспитанная, вежливая, «правильная» девочка, которая всегда улыбалась, всегда сглаживала углы, всегда держала себя в руках, набросилась бы на него, как раненый зверь. Била бы, пока руки не онемели.

Но я не имею права так сделать. «Хорошая девочка» должна оставаться таковой при любых обстоятельствах.

Я резко свернула в первую попавшуюся подворотню. Инстинкт толкнул туда, где можно спрятаться. Каблук соскользнул, я чуть не рухнула, но успела ухватиться за стену. И буквально вжалась в неё, как будто желая стать частью этой стены, раствориться в её кирпичной кладке.

В этот момент Алексей пробежал мимо. Я слышала, как он зовёт меня. Зовёт голосом человека, которому вдруг стало страшно.

— Юля! Юль... пожалуйста... Выслушай...

Я зажала рот ладонью, чтобы не выдать себя слишком громким дыханием.

Мне не хотелось его видеть. Не хотелось слышать. Мне хотелось плакать, кричать от боли — в противном случае, она угрожала просто разорвать меня изнутри.

Леди не устраивают сцен. Не позволяют захватить себя эмоциям. Леди проживают боль внутри — чтобы никто не заметил.

Но как же должна вести себя леди, когда она собственными глазами видит адюльтер? Когда семейная жизнь трескается, как фарфор? Когда мечты падают, как сгоревшие лепестки,

под ноги? Когда мир рушится так стремительно, что под ногами не остаётся ни одного кирпича от прежней жизни?

Наверное, вот так... Прячутся в тёмном закутке, сдерживают слёзы и грызут губы, чтобы не взвыть от боли.

Я вышла из темноты и пошла — в противоположную сторону от той, куда пошёл мой муж.

Глава 4

Я медленно брела по незнакомой мне, плохо освещенной улице, всё дальше от ресторана. В какой-то момент поняла, что ушла уже слишком далеко. Улица стала пугающе пустой.

На миг я задумалась — а куда мне сейчас пойти? Домой? Туда, где стоит наша, теперь уже оскверненная, супружеская кровать? В квартиру, полной воспоминаний, которые все теперь кажутся фальшивыми?

Я не могла. Не могла даже представить себе, что снова увижу его наглые глаза. Как увижу на его губах следы красной помады. Нет, конечно же, он сотрёт их к тому времени, но теперь мне будет казаться, что они всегда там, что я всё равно это вижу.

Я не знала, когда я теперь найду в себе силы посмотреть на него. Завтра? Через неделю? Никогда?

От одной только мысли об этом дыхание сбилось. Не знаю когда, но абсолютно точно не сегодня!

Июньская ночь была прекрасной — тёплая, тихая, с мягким шёлком ветра, наполненная пьянящими ароматами сирени. Мир вокруг казался таким обычным, таким спокойным... Как бы мне хотелось вернуться в мою спокойную и размеренную жизнь, а всё случившееся чтобы оказалось просто дурным сном!

И вдруг — поблизости раздался смех, который быстро вырвал меня из омуты моих мыслей. Громкий, хмельной. Я автоматически поёжилась.

Из подворотни, перегородив мне дорогу, вывалилась компания. Человек пять — все молодые, подвыпившие, с красными глазами. Они заметили меня сразу — как звери замечают что-то одинокое, выбивающееся из привычной среды.

— Эй, красавица... — протянул один из них, неопытно лохматый. — Ты тут одна гуляешь?

Я ускорила шаг, стараясь не смотреть в их сторону, сохраняя видимость уверенности.

— О, да ты не стесняйся, — другой перегородил мне путь, распахивая руки для объятий. — Давай познакомимся!

Только этого мне сейчас не хватало!

Я отступила на шаг, потом ещё. Я давно не оказывалась одна ночью на улице — долгие годы передвигалась исключительно на машине, от двери до двери.

Столкновение с этим миром оказалось шоком для меня.

— Да мы просто поболтаем, — сказал третий, ухмыляясь. — Не молчи, ну?

Я почувствовала, как меня начинает трясти от ощущения беспомощности. Что могу сделать я одна против компании подвыпивших хулиганов?

Я не могла кричать. Не могла позвать кого-то. Мне оставалось только одно — спокойно и твердо дать им понять, что я не боюсь.

Я подняла подбородок и небрежно бросила:

— Дайте мне пройти!

Мой голос прозвучал не так, как я ожидала — не так твердо и уверенно, как я планировала у себя в голове.

Они переглянулись. Кто-то засмеялся, кто-то цокнул языком.

— О-о, какая гордая цаца... — сказал лохматый. — Ты уверена, что хочешь так с нами разговаривать? Это невежливо!

Он направился прямо на меня, а я резко отшатнулась — и упёрлась лопатками в холодный бетон многоэтажки.

— Такая красоткааа... — протянул один, подходя слишком близко. — Да давай познакомимся, чё ты как эта...

Я оказалась зажата между ними и стеной. В платье, которое сковывает ноги. В каблуках, которые не дадут убежать.

Они переглянулись между собой, обменялись нахальными ухмылками. Кто-то из них сделал шаг ещё ближе.

Я в ужасе закрыла глаза.

И вдруг, откуда-то сбоку, совсем рядом, раздался другой голос — резкий, уверенный.

— Эй! Вы что творите? Отошли от неё. Быстро!

Глава 5

Кто-то вышел из темноты — и без колебаний встал между мной и толпой.

Свет фонаря едва тронул его плечи, очертил силуэт. Я успела заметить, что это точно кто-то высокий и крепкий, потому что он полностью заслонил меня от них.

Ребята напряглись сразу — мгновенно, как собаки, которые почуяли кого-то сильнее себя.

— Ты кто вообще такой? — бросил один, но голос его прозвучал как-то вяло, столкнувшись с чужой уверенностью.

— Я тот, кто сказал вам отойти, — произнёс мужчина спокойно. — Разошлись быстро! Никто не двинулся.

А я... Я стояла, вжимаясь в стену. Не могла не только убежать, воспользовавшись их смятением, но и вообще хотя бы пошевелиться.

Один из парней — тот, что был наглее остальных — сделал шаг к мужчине:

— Слышь, брат, иди своей дорогой, а?

— Предупреждаю последний раз...

Голос его был негромким, но в нём было что-то такое, от чего даже у меня по спине прошёл холодок. Спокойствие человека, который *не угрожает* — потому что не видит необходимости угрожать. Он просто знал, что будет делать, если его не послушают.

В этот момент я уловила какое-то движение. Рука мужчины скользнула за спину, будто он собирался что-то оттуда достать.

Ребята тоже заметили это движение.

— Ладно... — буркнул один. — Пойдём.

— Да ну их... — поддержал другой, уже стараясь выглядеть равнодушным, будто им самим наскучило приставание ко мне, и внезапное появление этого мужчины совершенно не при чем.

Они ушли быстро, почти бегом, хотя очень старались изобразить расслабленность.

Мужчина стоял в метре от меня и не двигался. Он ничего не делал — просто ждал, когда я приду в себя и заговорю первой.

А я стояла, прижатая к стене, с бешено колотящимся сердцем, с руками, которые дрожали, как будто через них пропустили ток, и думала только об одном: если бы он не появился — что бы со мной было?

И тут я услышала свой собственный голос — тихий, хриплый:

— Спасибо...

Он сделал шаг ко мне — медленный и осторожный, чтобы я не испугалась и не отпрянула.

И тогда фонарь впервые осветил его лицо.

Немного резкие черты. Чёткая линия скул. Спокойные, внимательные глаза. Здесь, в темноте, они кажутся почти черными.

— Всё в порядке? — спросил он.

Я только кивнула.

— Ты далеко живёшь? — спросил он мягче. — Могу вызвать такси. Могу отвезти тебя сам. Или пройти с тобой до оживлённой улицы. Как ты хочешь?

Он не стал спрашивать, почему я вообще оказалась в вечернем платье одна посреди ночи. Его интересовало только то, как ещё он может мне помочь, но я не могла произнести больше ни слова.

Он посмотрел на меня внимательнее, оценил то, в каком глубоком шоке я нахожусь и молча снял с себя пиджак.

— Вот возьми. Тебе холодно.

Я взяла и сразу ощутила тепло ткани. Это тепло проникло в меня, согревая.

— Здесь рядом бар, — вдруг неожиданно предложил он. — Тихий, спокойный. Можем зайти, чтобы ты могла согреться...

В этот момент я впервые посмотрела на своего спасителя по-настоящему, вгляделась в его лицо. И почему-то мне захотелось ему довериться. Он был одет в красивый, дорогой костюм хорошего кроя, а мужчины в строгих костюмах почему-то всегда вызывали у меня доверие. Это, наверное, глупо, но факт: в моей голове они всегда ассоциировались с порядком, надёжностью, с какой-то структурой, которая не позволяет хаосу поднять голову. И этот мужчина казался как раз таким.

Глупая мысль. Но мысли сейчас у меня вообще были странные, как у человека после удара по голове.

Но всё-таки я решила позволить ему вывести меня из ночи, которая таила в себе столько опасностей.

Глава 6

Это было совершенно на меня не похоже. С незнакомым мужчиной? Ночью? В бар? Да это просто немыслимо!

Я уже хотела было отказаться, но тут мой спаситель толкнул дверь, пропуская меня вперёд.

— Прошу, — сказал он, чуть наклонив голову. И в этом было что-то... такое старомодное, но довольное милое.

Внутри бар оказался маленьким, тихим, с мягким тёплым светом. Пахло кофейными зернами и ванилью. Я кожей почувствовала, что это безопасное пространство.

Мужчина проводил меня к столику в углу, который, очевидно, он и занимал до того, как ринуться меня спасать, а сам сел напротив.

— Меня зовут Максим, — сказал он, как только мы устроились.

— Юля, — представилась я в ответ.

В этот момент к нам подошёл бармен, выполняющий и функции официанта, и Максим посмотрел на меня вопросительно:

— Чай, кофе? Или может, что-нибудь покрепче для тех, у кого вечер явно не задался?

— Нет, только чай... да, горячий чай будет самое лучшее, — сказала я торопливо.

— Тогда и мне чай, — сказал он. — Из солидарности. Не хочу маячить перед тобой со своим виски.

Приняв заказ, официант отдалился, а Максим окинул меня внимательным взглядом.

— Всё ещё дрожишь. Кажется, мой пиджак не сильно помогает...

Он говорил мне *ты*, и это почему-то звучало естественно, хотя мы были знакомы всего несколько минут.

— Всё нормально, я сейчас отойду. Просто нужно немного времени...

— Понимаю. Надеюсь, чай сможет хоть немного утешить.

Я посмотрела на него и вдруг заметила — у него очень красивые руки. Такие спокойные, уверенные, с длинными пальцами и широкой ладонью. Я всегда обращала внимание на то, какие руки у мужчины, и эти определенно заняли бы первое место среди всех, что когда-либо были мне знакомы.

— Спасибо, — снова повторила я. — За всё...

— Я просто оказался рядом.

— В правильный момент...

Чай принесли быстро. Чашки были тёплые, и когда я взяла свою ладонями, это ощущение тепла пошло по пальцам, быстро поднялось выше.

Мы сидели молча какое-то время, но тишина между нами была не неловкой. И вдруг я поймала себя на мысли, что хочу задать вопрос, который жег меня изнутри с того самого момента, как мы оказались здесь.

Я поставила чашку, и чуть склонила голову, собираясь с духом.

— Можно задать... интимный вопрос?

— Для таких вопросов точно можно не спрашивать разрешения!

Я нервно облизнула губы.

— А скажи... — я замялась, но всё-таки решилась. — Откуда у тебя пистолет?

Он замер, а потом его лицо расплылось в улыбке.

— Ты же пригрозил им... Я видела, как твоя рука метнулась к карману. И ну... я подумала... Может ты полицейский? Или... — я заметно напряглась. — Бандит?

Максим откинулся на спинку стула и рассмеялся.

— Как бы я хотел сказать, что ты угадала. Что я офицер спецназа или, на худой конец, криминальный авторитет... Это звучало бы куда романтичнее! Увы. Правда прозаична и скучна.

Он наклонился вперёд и заговорщически понизил голос:

— У меня нет никакого пистолета. И никогда не было. Я просто засунул руку в карман и сделал максимально суровое лицо. Вот и весь секрет. В спецэффектах!

Мне понадобилась секунда, чтобы это дошло до моего сознания.

— То есть... ты блефовал?

— Страстно и самоотверженно, — подтвердил он. — Вложил в это всю актёрскую мощь, на которую был способен после трёх рюмок.

— Но они же поверили!

— Мальчишки, — пожал он плечами.

Я тоже засмеялась, выпуская в этом смехе всё напряжение вечера. Максим смотрел на меня и улыбался — как будто ему было приятно видеть, как мне становится легче.

— Честно, — сказала я, как только снова смогла говорить, — я думала... Я правда решила, что ты какой-то... ну очень опасный человек.

— На самом деле я просто умею делать суровое лицо.

— Значит, ты не полицейский? — на всякий случай уточнила я.

— Нет.

— И не бандит?

— Увы. Только в твоём воображении я мог бы им предстать.

Я смутилась, но снова улыбнулась.

— А кто ты тогда?

— Просто человек, который волею случая оказался рядом.

— А что ты вообще здесь делал? В ночном баре, почти пустом... В одиночестве.

Он чуть улыбнулся, но на этот раз улыбка вышла грустноватой.

— В твоём вопросе и содержится ответ — в одиночестве. Это и есть причина, по которой я оказался здесь. Заливаю расставание. Выбрал место, где никто меня не знает, и никто не полезет с вопросами. Хотя, признаюсь, твои вопросы мне совсем не мешают.

— Прости... — сказала я почти автоматически. Хотя до конца не понимала, за что именно. За то, что полезла в душу? За то, что разрушила его одиночество?

Он махнул рукой:

— С незнакомцами легче говорить. Как в поездках дальнего следования, знаешь? Мы видим друг друга в первый и последний раз, поэтому можем быть откровенны. Ты забудешь меня через час — а я выговорюсь и мне полегчает. Ладно... хватит обо мне! Что насчёт тебя? Почему ты здесь?

Глава 7

Я молчала, опустив глаза. Мне совсем не хотелось рассказывать ему о том, что сегодня моя семейная жизнь рухнула. Не потому, что я ему не доверяла или что-то вроде того, нет. Просто не хотелось снова вспоминать об этом после того, как мне сделалось так неожиданно спокойно и легко.

— Мы же просто попутчики в поезде дальнего следования, которые больше никогда не увидят друг друга! — улыбнулся Максим. — Расскажи, что делала такая красotka в безлюдной подворотне ночью? Я думал, что будет невежливо спрашивать, но раз уж у нас сегодня такая ночь откровений...

— Это ты так решил? — усмехнулась я. — Что сегодня ночь откровений?

— Так решила сама жизнь, — мужчина развел руки. — Хорошо, если не хочешь говорить, дай я сам угадаю... Ты шла в вечернем платье, на каблуках, с прической, мейком, вся такая из себя... Ты определённо не местная. Но и не случайная. И я сразу подумал — а может ты актриса, которая сбежала с вручения премии, устав от вспышек фотографов?

— Актриса? — я рассмеялась.

— Ну да. Устав от аплодисментов, решила прогуляться и перевести дыхание, как тут её начали преследовать малолетние поклонники...

Я фыркнула.

— И ты решил вмешаться?

— Я решил, что у актрисы, сбежавшей с премии, не должно быть проблем с подвыпившими подростками, — ответил он с совершенно невозмутимым видом.

Я рассмеялась, а Максим продолжил меня смущать:

— Знаешь... они, конечно, подонки, но если честно... Я бы сам ни за что не прошёл мимо такой женщины!

Он произнёс это спокойно, без попытки впечатлить — просто как констатация факта. А я сделала глоток своего уже остывшего чая, пытаюсь скрыть смущение и странного удовольствия от того, что на меня смотрят так... внимательно.

— Перестань, — отмахнулась я. — Никакая я не актриса. Просто... Вечер пошёл не по плану.

Он посмотрел на меня внимательно — слишком внимательно, настолько, что я вынуждена была опустить глаза.

— Так что же с тобой случилось? Кто ты, красавица, которая гуляет сама по себе?

— Случилось... много чего. Просто не из того, о чём обычно рассказывают незнакомцам.

— Я не знаю, что именно у тебя произошло... но это было явно что-то очень плохое. И я сейчас не про встречу с хулиганами-подростками...

— Ты очень наблюдательный. Но я правда не могу об этом говорить. Не хочу и не желаю.

Он кивнул. И я отвела глаза, чтобы скрыть то, что подступало к поверхности.

— Всё в порядке, — сказал он тихо, будто прочитав моё внутреннее сопротивление. — Не нужно рассказывать, если не хочешь. Я не лезу.

И это «я не лезу» прозвучало для меня как спасательный круг, как разрешение — не говорить, не объяснять, не рвать рану шире.

— Спасибо, — прошептала я почти неслышно.

Максим какое-то время молчал, задумчиво постукивал пальцами по столику.

— Я не спрашиваю, что случилось. Но могу я спросить другое?

— Что именно? — насторожилась я.

— Тебе есть куда пойти?

— Я... Даже не знаю... — от этого вопроса я почему-то растерялась. Конечно, мне есть куда пойти, я же не бездомная! У меня есть мой дом — большая, просторная квартира.

Но почему мне совершенно не хочется сейчас туда идти?

— Ты вообще часто гуляешь по ночам? — Максим чуть подался вперёд. — Или это твой дебют?

— Дебют, — призналась я. — Всё как-то не было повода.

— А сегодня появился?

Я усмехнулась про себя. Да, появился. Такой, от которого земля ушла из-под ног. Такой, после которого я могла либо упасть на колени там же, на парковке, захлёбываясь в рыданиях, либо идти, куда глаза глядят, пока ноги держат.

— А ты не хочешь прогуляться?

— Сейчас?

— А почему бы и нет? — Максим пожал плечами. — Ночь только начинается. Москва в такое время — особенная. Если вдруг ты решишь, что тебе нужен попутчик в ночном путешествии по городу, я готов сыграть эту роль. Покажу тебе город, который обычно никто не видит. Эти пустые улицы, золотые огни на воде, запах липы у набережной...

— Максим... — начала я нерешительно. — Я... правда не знаю, стоит ли...

— Стоит, — мягко перебил он. — Кстати, я знаю одно место в паре минут отсюда, где можно увидеть город сверху. Вид будет потрясающий, обещаю!

Я посмотрела на его протянутую руку и тихо сказала:

— Ну... Хорошо. Только недолго.

Глава 8

Мы вышли из бара, и в лицо ударил прохладный воздух, чуть влажный после недавнего дождя. Асфальт блестел, отражая мягкие пятна фонарей. Редкие машины проплывали мимо.

Я невольно замедлила шаг — мне хотелось впитать всё: эту тишину, эти огни, этот странный покой, который я уже давно не чувствовала. Ночь гостеприимно приняла нас в свои объятия. Как если бы город решил, что мы заслуживаем того, чтобы он раскрылся перед нами со своей самой лучшей стороны.

— Холодно? — тихо спросил Максим.

— Нет, — ответила я, хотя было чуть прохладно. — Москва... другая ночью.

— Она настоящая. Днём она торопится, выпендривается, пытается понравиться. А ночью — как будто выдыхает. Остаются только огни и люди, которые почему-то не смогли уснуть.

Мы шли дальше. Он показывал мне старые дома, рассказывал, что здесь раньше был маленький театр, а там — мастерская художника. Потом мы поднялись по широкой лестнице к площадке, с которой открывался удивительный вид: река блестела длинной серебристой полосой, мосты были похожи на подсвеченные арки из сказки, а где-то вдали высотки горели мягким янтарным светом, как огромные свечи.

— Вот, — тихо сказал Максим. — Это моё секретное место силы. Я прихожу сюда, когда мне нужно вспомнить, что я живу, а не существую. Город, раскинувшийся перед глазами, всегда напоминает о масштабе. И о том, что ни одна боль не вечна...

— Почему ты мне его показал? — спросила я после паузы. — Оно же секретное...

Он пожал плечами.

— Ты выглядишь так, будто тебе тоже нужна передышка. А Москва умеет утешать, если правильно к ней подойти. Вот я и решил рискнуть.

— Рискнуть?

— Ну а вдруг ты бы сказала: «Оставь меня в покое, странный тип с воображаемым пистолетом, я никуда с тобой не пойду»?

Я рассмеялась.

— Да, это звучало бы вполне логично. Но... нет. Я рада, что ты привёл меня сюда.

Максим улыбнулся. Свет фонаря падал на его лицо, подчёркивая его сдержанную, даже немного суровую мужскую красоту.

И тут — совершенно нечаянно, без заранее принятого решения — мне вдруг захотелось прикоснуться к нему. Зачем? Я не знала. Для того, чтобы убедиться, что всё это действительно происходит? Для того, чтобы разделить этот волшебный момент с ним? Для того, чтобы поблагодарить за секретное место, которое он для меня раскрыл? Ситуация плохо поддавалась анализу.

Поэтому я просто протянула руку и осторожно взяла его за руку.

Его пальцы в ответ чуть дрогнули. Он посмотрел вниз, на наши соединённые руки, и я почувствовала, как его ладонь медленно сжимает мою.

Ночь стала теплее. Воздух — мягче. А город перед нами — ещё прекраснее.

Это было невероятно. Совершенно незнакомые доселе чувства охватили меня.

Мы стояли на высоте, держась за руки, и казалось, что ветер обтекает нас мягко, точно не желая разъединять. Огни внизу мерцали, как будто кто-то рассыпал по городу тысячи крошечных драгоценных камней.

— Странно, — сказала я тихо. — Я родилась и прожила здесь всю свою жизнь, но сейчас мне кажется, что я вижу город впервые...

— Значит, всё правильно, — ответил Максим. — Иногда нужно оказаться в другой компании, чтобы увидеть что-то новое в привычном и знакомом. Пойдём дальше?

Мы перешли мост, свернули во дворик, где стояли старые липы. И там — среди этой зелёной тишины — я вдруг сказала то, о чём никогда никому не говорила и даже не думала.

— Знаешь... у меня никогда не было таких вот прогулок по ночам. Даже в студенчестве, когда, казалось бы, сам Бог велел... — я усмехнулась, но усмешка вышла немного печальной. — Я тогда всё время училась. Экзамены, зачёты, практики... Мне казалось, что если я хоть на день расслаблюсь — у меня всё рухнет.

— Рухнет что?

— Жизнь. Путь, который я выстроила. Моя дорога... она всегда была слишком прямой. Знаешь, как линия, проведённая линейкой: шаг в сторону — и всё... Конец!

Он задумчиво кивнул.

— Похоже, ты всегда была слишком ответственной. Но всё, что упущено, можно нагнать. Всё, что не попробовано, можно попробовать...

— Ты так уверенно говоришь. Будто сам в это веришь...

— Верю! Ещё как. И знаешь, что ещё... Меня всё никак не отпускает мысль, что ты могла бы стать актрисой! У тебя... такое лицо.

— Какое такое?

— То, которое не забудешь. Даже если всего лишь увидел его однажды ночью в баре...

— Ты слишком любезен, — тихо сказала я.

— Я — честен, — поправил он.

Мы вышли к набережной, и тут я увидела, что горизонт начал розоветь. Первый тонкий просвет рассвета разрезал небо, будто кто-то осторожно провёл кистью с новой краской.

И именно в этот момент откуда-то со стороны Арбата вышла группа вчерашних выпускников — шумных, счастливых, с шарами и ленточками. Они смеялись, обнимались, кричали что-то друг другу, кто-то уже пил кофе, кто-то — нечто из стеклянных бутылок.

Я посмотрела на них и вдруг почувствовала такую странную сладкую боль. Моя взрослая дочь встречает сейчас свой рассвет. А я... свой.

Максим принес два стакана кофе из круглосуточного кафе, и мы неспешно пили его на лавочке, пока мир вокруг медленно светлел.

И в этот момент я вдруг поняла, насколько мне не хочется, чтобы это кончалось.

Не хочу возвращаться! Не хочу видеть квартиру! Не хочу видеть мужа. Не хочу с ним говорить. Не хочу даже об этом думать.

Но мне придётся...

Рассвет приближался стремительно — как неизбежность. Как конец любой, даже самой волшебной, сказки.

Глава 9

— Пожалуй... мне пора, — еле слышно произнесла я роковую фразу.

— Думаешь, уже пора возвращаться в реальность?

И в этот момент я почти физически ощутила, как эта самая «реальность» наваливается на меня — тяжёлая, липкая, громоздкая. Та самая реальность, которая всего несколько часов назад раскололась на тысячи острых осколков, которые всё ещё звенели где-то глубоко внутри меня.

Я сделала глоток остывшего кофе, ощутив вдруг вместо сладости напитка его горечь.

— Увы, да, — сказала я и попыталась улыбнуться. — Спасибо тебе за эту ночь.

— И тебе спасибо. За компанию. За разговоры. За... — он чуть наклонил голову, — за то, что позволила мне провести эту ночь с тобой. Это сделало её незабываемой.

Мы поднялись почти одновременно. Неторопливо прогуливаясь, вышли к уже оживающему проспекту, по которому ехали первые вереницы машин.

Я стояла, глядя на пробуждение города, и с ужасом понимала: сейчас всё это исчезнет, как будто этого никогда не было. Эта ночь. Эта невероятная лёгкость. Эта странная защищённость. Этот мужчина, который всего за несколько часов стал мне душевно ближе, чем мой муж за последние несколько лет нашего брака, исчезнет тоже.

И, главное — исчезну я. Та, которой я себя почувствовала рядом с ним.

Меня не отпускало странное чувство, будто я упускаю что-то очень важное. Шанс, который выпадает раз в жизни.

Максим остановился, оглядел улицу. Он был спокоен, собран, но в его взгляде было что-то такое... горькое. Как будто он тоже не хотел, чтобы утро наступило так быстро.

— Надо вызвать тебе такси.... — сказал он негромко, мельком оглядывая меня.

Он достал телефон, а я посмотрела на его профиль — сосредоточенный, красивый, задумчивый.

Через минуту всё это станет... воспоминанием.

Мы расстаёмся. Навсегда. И я сама должна поставить точку.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Я не знала, откуда он взялся — от осознания неизбежности или от того, что в присутствии этого случайного мужчины мне было так... спокойно. Так легко, как не было давно.

Такси подъехало быстрее, чем нам обоим того хотелось бы. Машина мягко притормозила у тротуара, и Максим уже шагнул вперёд, чтобы открыть мне дверь, но в последний момент я решила — прежде чем успела испугаться собственной смелости.

Потому что в этот момент я поняла: *если я ничего не сделаю прямо сейчас — потом буду жалеть об этом годами.*

И я сделала что-то очень неправильное, неразумное, непредусмотренное...

Я поднялась на носочки и поцеловала его.

Это был невинный, почти детский поцелуй. Я едва коснулась его губ своими. Коротко, невесомо, но этого мгновения хватило, чтобы в груди что-то вспыхнуло, дрогнуло, расплзлось тёплой волной, от которой стало трудно дышать.

Максим застыл, поражённый внезапным электрическим разрядом, который прошёл насквозь и его.

— Юля... — начал он ошеломлённо.

— Тшшшш, ничего не говори.... Мы же случайные попутчики, — сказала я тихо, сама пытаясь удержаться в рамках этой роли. — Помнишь?

— Случайные попутчики... — повторил он, будто пробуя смысл этих слов на вкус, примеряя его к нам. — Значит, на то, чтобы ты дала мне свой номер... рассчитывать не стоит?

Я покачала головой. С долей сожаления, но твёрдо.

И в этот момент я увидела, как его взгляд скользнул вниз — к моей правой руке. Туда, где на безымянном пальце красовалось кольцо с крупным брильянтом. Которое за двадцать долгих лет стало уже моей частью.

Я заметила, как по его лицу прошла тень. Как его мягкая открытость сменилась сдержанностью. Как он, не задавая вопросов, мгновенно додумал за меня всё: кто я, зачем я всё это сделала, что я пытаюсь забыть, почему ни за что не разрешу ему стать ближе.

Я открыла было рот, чтобы объяснить ему, что я никого не предавала, что моя семья рухнула за несколько часов до того, как он появился в моей жизни, но...

Но времени у нас уже не было. Оно утекало, как песок сквозь пальцы.

Да и стоит ли тратить слова — мы ведь случайные попутчики, верно?

Водитель взглянул на нас через окно.

— Можешь ничего не объяснять... Я всё понимаю, — сказал Максим с грустной улыбкой и распахнул передо мной дверь.

Я села. Такси дернулось с места слишком резко — как будто решило оборвать эту тонкую ниточку между нами, не дав нам опомниться.

Я смотрела на Максима через боковое стекло. Его фигура стремительно уменьшалась, растворялась в бледном золоте рассвета. Странно осознавать, что за одну ночь может появиться кто-то... кто вызовет такое чувство утраты.

Он исчезает в суете огромного города. Невысказанные слова царапают мне горло. Непрошенные мысли взрывают голову. Всё могло бы сложиться иначе! Если бы я была бы другой... Если бы ночь продлилась хоть немного дольше... Если бы жизнь была бы чуть-чуть проще.

Но сказка закончилась — как ей и положено заканчиваться — с первым лучами солнца. Карета превратилась тыкву, а сбежавшая от поклонников актриса — в Золушку.

Когда силуэт Максима стал совсем крошечным, а потом и вовсе исчез, я поняла, что его пиджак всё ещё на мне. Всё ещё греет мои плечи.

Я хотела попросить водителя остановиться, выбежать к Максиму, вернуть ему пиджак и объяснить, что это не то, о чем он подумал. Что я не решилась на ночное приключение, чтобы изменить мужу или что-то в этом духе. Что это не измена, не грязь, не предательство... Во всяком случае не моё.

Но слова уже не имели значения, потому что некому их было произнести.

Глава 10

Я возвращалась домой в том странном полутумане, который бывает только ранним утром, когда ночной морок ещё не рассеялся. На плечах всё ещё лежал его пиджак, пахнущий терпкими, мужскими духами. Единственное свидетельство того, что прошедшая ночь не была сном.

Когда машина свернула на нашу улицу, у меня в груди что-то болезненно кольнуло — как будто меня вытащили из тёплой воды на холодный воздух.

Дверь открылась ещё до того, как я успела найти ключ.

На пороге стоял мой муж.

Он, очевидно, тоже не спал ни минуты этой ночью — это было заметно. Лицо бледное, волосы взъерошены, глаза покрасневшие.

— Милена дома? — спросила я холодно.

— Нет. Ещё гуляет. А ты? Где *ты* была? — он посмотрел на чужой пиджак, накинутый на мои плечи.

Я смерила его презрительным взглядом и хотела пройти мимо, но он преградил мне дорогу.

— Ты серьёзно думаешь, что у тебя есть право задавать мне вопросы? — сказала я спокойно. — После того, что я увидела?

— Это было... всё не так, как ты подумала. Я могу объяснить...

— Ну давай, объясняй. Мне даже интересно.

Он замялся, судорожно собирая свои глупые оправдания в кучу и выискивая из них менее нелепое.

— У неё... — начал он сбивчиво, — ей... Она...

— Только не говори, что ей стало плохо, и ты приводил её в чувство своим... Своим причинным местом. Заднее сиденье семейной машины — ведь идеальное место для этого, правда?

Муж отчаянно пытался подобрать другую версию. Но, раз за ночь он так ничего путного и не придумал, у него вряд ли получится сделать это сейчас. Фантазия никогда не была его сильной стороной, иначе бы он не стал хорошим бизнесменом.

— Скажи что-то честное, — прошептала я. — Хоть что-то.

А вот на это у него уже не хватало смелости.

Я покачала головой. Всё, что нужно было знать, я уже увидела собственными глазами.

И странно — в эту секунду мне уже почти не было больно.

— Не надо, — сказала я наконец. — Не надо оправдываться. Глупо. Поздно.

Я отодвинула его в сторону и прошла в квартиру. Алексей молча пошёл за мной. Всё ещё цепляющийся за надежду, что эта ночь растворится сама по себе, будто плохой сон.

— И... что дальше? — спросил он наконец,

— Как это что дальше? — удивилась я. — Развод!

Он, кажется, даже пошатнулся, услышав это слово.

— Развод... — выдохнул он. — Так вот, значит, как ты решила? Просто раз... и всё. И нет нас.

— А ты ожидал других вариантов?

— Значит... значит, ты никогда меня не любила! Раз ты так легко... так спокойно говоришь о разводе. После того, как я один-единственный раз в своей жизни оступился!

Я долго смотрела на него. На его смятение. На дрожащие пальцы. На попытку выставить себя жертвой — и обвинить меня в недостатке любви.

— Я тебя любила. Но любовь — это не о том, чтобы закрывать глаза на предательство, — сказала я. — Любовь может выдержать многое... но твоё «один раз», — я усмехнулась, — оно стало последним шагом к тому, что давно уже трещало по швам. Наш брак стал фикцией до того, как ты окончательно его сломал.

Он посмотрел на меня растерянным, непонимающим взглядом. В нём было отчаяние человека, который до этого думал, что всё ещё контролирует ситуацию, и который только теперь понял, что нет.

— Ты что, правда хочешь уйти? — спросил он хрипло.

Я кивнула.

— А я не позволю... — прошипел в ответ муж.

Глава 11

— Что? — в первое мгновение мне показалось, что я ослышалась.

— Я сказал, что разводиться не буду, — упрямо повторил муж. — У меня нет на это никаких причин. У каждой семьи бывают свои трудности. Невозможно прожить жизнь и ни разу не оступиться. Это не повод уничтожать всё, что мы вместе строили. Из-за одной ошибки ты хочешь разрушить семью?

Его слова задели за живое. Он как будто пытался переложить на меня вину за своё собственное предательство. Пытался упрекнуть меня в том, что я разрушаю семью, в то время как он её уже разрушил!

— Семью разрушила не я, Лёша, — сказала тихо. — Это был ты. И даже не вчера. Наша семья разрушалась годами, когда ты был где угодно, только не со мной. Я многое терпела. Многое оправдывала. На многое закрывала глаза... А потом... потом я увидела вас в машине и в одну секунду поняла, что ты не ошибся, не оступился, не «случайно». Ты просто нашёл то место, где тебе действительно хорошо. А я теперь даже смотреть на тебя не могу. Каждый раз, глядя в твои глаза, я вспоминаю ту отвратительную сцену. И я никогда больше не смогу снова поверить тебе! Так что я не прошу твоего согласия на развод. Я просто ставлю тебя перед фактом.

— Один раз, — раздражённо бросил муж в ответ на мою тираду. — Один, Юля. Я не собираюсь рушить брак из-за сиюминутной глупости.

— Это не глупость. Это предательство!

— Ты сейчас на эмоциях. Эта... ночь... — он выделил это слово, выразительно окинув взглядом чужой пиджак, — явно вскружила тебе голову. Но завтра ты успокоишься и всё поймёшь. У нас общие обязательства, совместная ипотека, сотни вещей, которые нельзя просто порвать, как бумажку, только потому что ты решила сыграть в обиженную принцессу.

— Ты серьёзно? Пытаешься удержать меня ипотекой?

— Я пытаюсь удержать тебя здравым смыслом. Потому что взрослые люди так не поступают. Они садятся и решают проблемы. А не бегут разводиться из-за всякой ерунды.

— Я не останусь с человеком, к которому у меня теперь — ничего. Пустота. Холод.

Он усмехнулся.

— Знаешь, что самое смешное? Ты думаешь, что сейчас у тебя есть выбор. Но у тебя его нет. Я не отдам тебе половину всего, что мы строили. Развод нам обоим невыгоден — и ты это прекрасно понимаешь.

— Даже если бы он был мне выгоден, — я гордо подняла голову, — я бы всё равно ушла. Потому что рядом с тобой я больше жить не могу. Не хочу. Не буду!

— Знаешь, Юля... — начал он, и голос его вдруг стал низким, спокойным. — Тебе неприятно будет это услышать, но я всё равно скажу. Иногда мужчинам хочется чего-то простого. Понимаешь? Да, я люблю дорогие рестораны, но иногда... иногда так хочется нажраться дряни в фастфудной забегаловке, а не сидеть в ресторане за бокалом вина, обсуждая искусство! Просто место, где можно быстро заскочить, быстро... — он запнулся, но только на долю секунды, — быстро справить нужду. Мужчины так устроены. Иногда нам нужно что-то простое. Приземлённое. Примитивное. И та девушка — она просто оказалась рядом в тот момент, когда мне захотелось именно этого: сбросить пар.

— Ты изменил мне и пытаешься оправдать это... метафорой про фастфуд?

Он усмехнулся:

— Именно. Потому что ты должна понимать, что иногда мужчине нужен чёртов гамбургер, а не дегустационный сет по пять тысяч за порцию.

Я медленно выдохнула, чувствуя странную лёгкость — ту, которая приходит, когда на человека, которого боялась потерять, вдруг смотришь и понимаешь, что он... чужой. И ничтожный в своей жалкой логике.

— Поэтому, — я кивнула, — ты предпочёл женщину, которую можно использовать, как салфетку?

Алексей равнодушно пожал плечами.

— Такие женщины не задают вопросов, не пилят мозг, не строят из себя совершенство. С ними легко. Понимаешь? Легко.

Он сделал шаг ближе, слишком близко.

— Ты же сама знаешь, что иногда ты бываешь невыносимо тяжёлой. Строгая. Холодная. Рядом с тобой чувствуешь себя студентом на экзамене, а не нормальным мужиком. Ты знаешь, как это утомляет? Хочется простоты.

— Но не на выпускном же дочери! — возмущение захлестнуло меня с новой силой. Своими нелепыми оправданиями Алексей падал только ниже в моих глазах. — Если тебе так хотелось простоты — ты мог просто уйти! Мог сказать, что тебе тяжело со мной. Мог хоть раз быть честным. Но ты выбрал унижить меня. А теперь ты пытаешься объяснить своё предательство тем, что это нормально, естественно, природно и что ты имеешь право иногда «выпустить пар».

Он нахмурился, как будто я ударила под дых, но быстро взял себя в руки.

— Скажи мне лучше, когда мы с тобой в последний раз занимались сексом на чёртовом колесе? Или в туалете забегаловки? Или на парковке торгового центра? В лифте? В моём офисе, наконец? Когда, Юля? Когда ты последний раз хотела меня так, чтобы плевать было на приличия?

— Ты серьёзно? — выдохнула я, не веря собственным ушам. — Ты правда думаешь, что я должна превратиться в... в кого? В кого-то, кто отдаётся в кабинке туалета?

— Я думаю, что ты перестала быть живой и страстной. Перестала меня хотеть...

— Ты выбрал забегаловку, Алексей. Это твой выбор. Но не смей делать вид, будто я виновата в том, что ты захотел грязи. Не смей говорить, что я тебя довела. Ты сделал это сам.

— Юля... — сказал он твёрдо. — У нас дом, у нас дочь, у нас нормальная семья...

И в этот момент я вдруг отчётливо поняла: он не меня пытается удержать. Он удерживает всё остальное. То, что он считает своим «якорем», «основой», «правильной жизнью». И я в эту жизнь вписана как элемент интерьера.

Ему важна красивая картинка, где он — успешной муж успешной женщины, где дома всегда идеальный порядок, где дочь отлично учится, где всё — безупречно настолько, что вызывает безудержную зависть друзей и коллег.

Он не хочет разводиться не потому, что боится меня потерять. А потому, что боится потерять жизнь, которую ему удобно жить рядом со мной. И от осознания этого простого фактора мне стало почему-то больней.

Глава 12

И чем глубже я погружалась в эту горькую истину, тем сильнее во мне нарастала оглушающая ярость, готовая сорваться на истерику. И это было так непохоже на меня...

— Конечно, ты не хочешь развод, ведь тебе так удобно, — произнесла я наконец и обвела рукой всё, что нас окружало: квартиру с безупречным ремонтом, которым я руководила, идеальный порядок, который я всегда поддерживала. — Тебе удобно. А я что? Функция? Интерьер?

Алексей нахмурился.

— Ты несёшь бред.

— Бред — это оправдывать свою измену тем, что тебе захотелось «горяченького». На выпускном! Не нашёл более подходящего места? Ты вообще понимаешь, как ты меня опозорил? Как ты опозорил Милену?

— Да, потому что я, чёрт побери, мужчина! Иногда хочется грязи. Иногда хочется риска. Иногда хочется ощущения, что тебя могут в любой момент застать...

— Ну что ж. Тебя застали. Поздравляю, ты получил свой «риск». А что, если бы это была не я, а, к примеру, Милена? Об этом ты не подумал?! Ну, конечно, ты в тот момент, наверное, не думал вообще. Вернее, думал, только не тем местом!

Алексей зло скривился.

— Ты понятия не имеешь о том, что бывает так, что страсть мгновенно накрывает... И становится неважно когда и где...

— А ты понятия не имеешь о том, что я пережила, когда увидела вас. После этого... Любые твои слова больше не имеют смысла! Ты всё перечеркнул!

Воспоминание об увиденном резануло меня так остро, что я еле удержалась на ногах. Ком подкатил к горлу.

— Я, — произнёс муж тише, но с упрямой злостью, — не собираюсь разрушать нашу семью. И точка.

— А я не собираюсь жить с человеком, который чувствует себя мужчиной только в туалетах забегаловок и подворотнях, — сказала я ровно. — Который ищет в любви грязь!

— Может, если бы ты хоть иногда...

— Ах, так? — я сорвалась полностью. — То есть проблема не в том, что ты изменил, а в том, что я *слишком... недостаточно... какая-то?*

И тут вся моя выдержка полетела ко всем чертям. Я взяла со стола первую попавшуюся под руку вещь — чашку, пустую, тяжёлую. Бросила и попала в стену рядом с ним — чашка разлетелась, осколки рассыпались по полу.

— Теперь я для тебя достаточно страстная?! Достаточно необузданная?! Достаточно... *грязная*, чтобы ты почувствовал себя мужиком?!

— Да что с тобой...

Но договорить он не успел.

Потому что в секундной паузе вдруг раздался тихий голос:

— Мам... Пап... Вы чего?

Я обернулась. На пороге стояла Милена и смотрела на нас обоих широко распахнутыми глазами. Она вошла в дом сияющая, наполненная светом после веселой ночи... и мгновенно погасла, как свеча под порывом ветра.

— Дверь... вы её даже не закрыли, — сказала она странным, непривычно тихим голосом. — Что происходит?..

Милена посмотрела на меня, потом на своего отца, потом перевела взгляд на раскинутые по полу вещи и осколки, и выдохнула:

— Вы ругаетесь... из-за меня?

За всё то время, что мы с её отцом были в браке, Милена ни разу не становилась свидетельницей семейного скандала. Поэтому сейчас она была, очевидно, в шоке.

Я хотела броситься к ней, чтобы обнять её, чтобы защитить от увиденного, но я сама была слишком взвинчена. Меняхватило только на то, чтобы соорудить спокойное лицо. А вот голос у меня прозвучал сипло, будто чужой:

— Зайка... нет. Это не из-за тебя всё.

Но Милена не смотрела на меня — она смотрела на отца. На его перекошенное от злости лицо, на кулаки, сжатые так, словно он вот-вот собирался броситься в бой.

Под её взглядом Алексей тоже опомнился. Он попытался выпрямиться, убрать с лица это звериное выражение. Но от него всё ещё тянуло жесткостью, гневом.

— Из-за тебя? — переспросил он удивлённо. — Нет, дорогая. Это между нами. Это... Это мы, а не ты. Мы с твоей мамой просто... немного вспылили.

— Ты тут вообще ни при чём, — подтвердила я слова мужа. — Это наши взрослые проблемы, которые ты не должна была видеть...

— Ну хорошо, — Милена, всё ещё не веря, внимательно оглядывала нас исподлобья. — А я-то подумала, что вы оба так взбесились из-за того, что я подала документы в другой универ...

И вдруг Алексей, услышав это, резко вскинул голову:

— Подожди... Что ты только что сказала?

Он шагнул к ней, и его голос мгновенно сорвался на жесткий, режущий тон:

— Ты подала документы в другой университет? Какой это «другой»? Мы же всё уже решили! И тут ты... Не посовествовавши?! — он почти выплёвывал слова, разъярясь всё больше и больше. — Что это за самостоятельность? Я что — зря бился, договаривался, тянул связи, искал кураторов? Ты хоть представляешь...

— Алексей, хватит! — я встала между ними.

Но он тут же схватил меня за руку и дернул на себя:

— Ты знала? — его голос стал низким, опасным. — Ты всё знала и скрывала от меня?! Когда именно ты собиралась мне сообщить, что наша дочь вместо нормального университета выбирает какую-то...

— Я узнала вчера вечером, — ответила я, вырывая руку. — И хотела сразу тебе сказать, но...

И Алексей, мгновенно догадавшись на что я намекаю, сжал зубы и процедил:

— Но мы сейчас будем говорить о том, что она сотворила. Она сломала весь наш план! — сорвался он на Милену. — Весь! Годы подготовки, связи, договорённости — всё коту под хвост?!

Я повернулась к Милене и постаралась говорить максимально спокойно:

— Дочь, мы оба удивлены твоим выбором... Очень. Я даже сказала бы, что мы оба шокированы. Нам бы очень хотелось понять тебя, узнать почему ты сделала такой выбор... — я вдохнула, — но не сейчас. Не в такой момент. И не под крики. Но мы обязательно это обсудим, когда все немного успокоимся. Это очень важно! Это — твоё будущее! Его нельзя перекраивать под настроение после выпускного!

— Это не «после выпускного»! — вспыхнула она. — Я уже решила давно! Просто боялась вам сказать. И, как оказалось, не зря боялась! Вы просто с катушек слетели оба!

Она развернулась и убежала в свою комнату. Я услышала, как она грохотнула щеколдой — отчаянно, по-подростковому обиженно.

После того, как она ушла, в гостиной воцарилась пугающая тишина.

А Алексей вдруг усмехнулся.

— Ну вот, — сказал он. — Видишь? Сейчас точно не время для развода.

Глава 13

Я не ответила ему ни слова. Не потому, что мне нечего было сказать — наоборот, слишком многое стояло в горле, горькое, режущее. Просто в какой-то момент я поняла: любое слово, произнесённое сейчас, будет потрачено зря.

Всё между нами уже кончено.

Алексей что-то говорил — про то, что я веду себя слишком эмоционально, что нужно сохранять голову холодной, что «не время», что «надо подумать о дочери», что «мы просто оба устали»... Но его голос отлетал от меня, как от стеклянной поверхности.

Я посмотрела ему прямо в глаза. И моё спокойствие, кажется, вывело его из себя куда больше, чем вся предшествующая истерика.

Он замолчал — будто столкнулся с ледяной стеной, которую сам же построил.

Я молча прошла к нашей бывшей спальне и закрыла за собой дверь. Замок щёлкнул в оглушительной тишине, ясно давая понять, что сюда ему путь закрыт.

Прошла к кровати и села на край — на ту сторону, что всегда была моей. И впервые за много лет почувствовала, что мне здесь тесно. Что этот дом — не мой дом. Что муж — не муж. Что жизнь... не моя.

Но слёзы не шли — странно. Казалось, что всё внутри застыло, превратилось в лёд.

За дверью раздался осторожный стук.

— Юля... Открой.

— Я сплю, — бросила я равнодушно. — Потом поговорим.

Алексей продолжал осторожно скрестись, а я прошла к зеркалу и расстегнула молнию на платье. Ткань с тихим шорохом сползла вниз.

И я почувствовала аромат. Тонкий, пряный, тёплый. Аромат парфюма моего нечаянного ночного спасителя.

Он будто стоял рядом — воздухом, оставшимся на моей коже.

Я вдохнула его в последний раз, потом сняла бельё, прошла в ванную и встала под душ. С головы, с плеч, с груди водой смывало напряжение, злость, обрывки тяжелого дня и трудной ночи.

И медленно — очень медленно — уходил аромат Максима.

Он растворялся в воде, в пару, в шуме капель, но отчего-то от этого становилось только горче. Как будто я стираю то единственное, что придавало мне сил.

Мне снилось странное — будто кто-то осторожно коснулся моей ладони. Я не вздрогнула, не отдернулась. Во сне я была тёплой, спокойной, живой. Не загнанной, не напряжённо-правильной, не ледяной, как меня назвал собственный муж.

Эта рука... Она легла в мою ладонь так естественно, будто всегда была там. Тёплая, уверенная, обхватывающая меня мягко, но крепко. Я чувствовала это тепло, оно доходило до самого сердца и заставляло его биться быстрее.

И когда я проснулась — это тепло ещё оставалось в моей ладони.

Я открыла глаза — и сразу поняла, что сон был милосердием. А моя реальность — печальна. Я действительно видела то, что видела. И сказала то, что сказала.

Мой брак — действительно рухнул.

Я вышла на кухню, укутанная в халат, поставила турку на плиту, засыпала кофе, и молча наблюдала, как вода темнеет и начинает подниматься мягкой пеной.

Из гостиной послышалось сонное ворчание, потом шаги. Алексей появился в дверном проёме, помятый, небритый, потёр поясницу и раздражённо буркнул:

— Спина отваливается... Чёртов диван. Ну что, где мой кофе?

В моей руке была горячая турка — но внутри меня не было ни капли тепла для супруга.

— Алексей, я тебе не то что кофе... я тебе и стакана воды не налью.

— Всё ещё злишься? — он попытался улыбнуться.

— Я не буду больше о тебе заботиться, — сказала я холодно. — Ни по мелочи, ни по крупному. Ни утром, ни вечером. Ни когда у тебя болит спина, ни когда у тебя очередной «кризис». Всё. Хватит. Хочешь кофе — вари его сам. Или залей кипятком растворимый.

Я поставила свою чашку на стол и присела:

— И да, кстати... Пока я освободила спальню, ты можешь как раз собрать свои вещи.

Алексей аж подпрыгнул от возмущения.

— Почему я должен собирать вещи?

— Потому что ты должен съехать. Можешь начинать собираться прямо сейчас.

— Ты охренела? — прошипел он, подходя ближе, так, будто хотел нависнуть, подавить, загнать обратно в привычную тень. — Ты решила меня вышвырнуть?

— Я решила перестать жить в одном доме с человеком, которого больше не уважаю. Так что собирай вещи.

— Да что это такое?! — он уже почти кричал. — Я что, мешок мусора, чтобы меня выкинули на улицу?!

— Ты — взрослый мужик. Легко найдешь куда пойти. Можешь, кстати, заглянуть в гости к...

В этот момент в дверном проёме появилась Милена в пижаме.

— Вы что... опять ругаетесь?

Я взяла себя в руки и кивнула ей приветливо.

— Доброе утро, дочь. Садись, я приготовила тебе завтрак.

Она недоверчиво оглядела нас, но всё-таки села за стол. После нескольких минут полной тишины, во время которых она с аппетитом поглощала свою овсяную кашу с ягодами, Милена сообщила нам:

— А я сегодня поеду сдавать внутренний экзамен. В мой университет.

И посмотрела на меня напряжённо, будто заранее ожидала криков, возмущений и истерики.

Я очень хотела ей возразить. Сказать, что она торопится, что она совершает фатальную ошибку, что всё это — протест, вспышка, порыв. У меня уже была заготовлена фраза...

Но я её проглотила.

Потому что спорить сейчас — значит продолжить ту же цепочку разрушений, которые тянулись за нами от вчерашней ночи. Я не хотела этого. Не могла.

Но Алексей, конечно, не удержался.

— Ты серьёзно? Туда ещё и отдельные экзамены надо сдавать? Ты хоть понимаешь, что делаешь? Это блажь, Милена! У нас всё уже было решено, а ты передумала за одну ночь!

— Я не за одну ночь передумала, — огрызнулась она. — Я давно думала. И говорила. Просто вы никогда меня не слушаете!

— Да мы тебе всю жизнь... да я... да ты...

Он запутался в собственном возмущении, срываясь на неё только потому, что не мог сорваться на меня.

— Лёш, хватит, — сказала я. — Если она решила поступать — пусть поступает.

— Так ты что же, «за» неё? Вы что, сговорились обе? Решили меня со свету сжить?

— Я не «за». Но и не против. А ты против только потому, что злишься на меня, — сказала я тихо. — Не надо срываться на ребёнка.

Милена вскинула на меня взгляд — удивлённый, растерянный, будто она впервые увидела меня в новом свете.

— Я... я не срываюсь! — крикнул муж. — Я её отец! Мне не всё равно на её будущее!

— А мне что, всё равно? Но я не могу решать за неё. Пусть набивает свои шишки. Мы же с тобой набивали свои...

Глава 14

Утро следующего дня было издевательски солнечным. Мир демонстративно жил своей обычной жизнью, в то время как я рушила собственную.

Я готовила завтрак, изображая спокойствие, которого не было и в помине. Милена собиралась и очень сильно нервничала. Что-то говорила мне про творческий экзамен, который ждал её сегодня. Я только поддакивала и кивала — из последних сил изображая мать, принимающую выбор дочери. Я пожелала ей удачи и не позволила себе ни одной попытки оспорить, хотя внутри всё сжималось от категорического несогласия.

Но когда она ушла, я бросила не доготовленный завтрак и сразу же пошла собираться.

Положила в сумку конверт с деньгами — плотный, тяжёлый. Я искренне надеялась, что до него дело не дойдёт, что мне удастся решить всё разговором, но знала: если будет нужно — я пойду до конца.

Алексей в это время сидел в гостиной, растирал шею и демонстративно громко жаловался на то, что у него болит спина, потому что диван у нас жутко неудобный, а он вынужден на нём ночевать уже вторую ночь.

— Что ты там делаешь? — спросил он, заглянув в приоткрытую дверь спальни.

— Помогаю тебе, — ответила я ровно. — Ты вчера так и не удосужился собрать вещи. Я решила ускорить процесс.

И начала снимать с вешалок его рубашки и кидать их в чемодан. Действовала быстро, уверенно, как человек, который наконец-то перестал бояться собственного решения.

— Ты с ума сошла? Я сказал тебе, что не собираюсь съезжать! Если кто-то и съедет — это точно буду не я!

Я молча развернулась, прошла мимо него к другому шкафу. Я выхватывала его вещи так, словно рвала страницу за страницей из книги нашей совместной жизни. И бросала их в чемодан.

Он рванулся ко мне, попытался вырвать у меня из рук очередную вещь.

— Я сказал: *не смей!* — взорвался он.

Но я уже не слышала. Точнее, слышала — но не воспринимала.

Я закрыла чемодан, подняла его и потащила к двери.

— Юля, — рявкнул он, — я сказал, что никуда не уйду!

— А я сказала, что уйдёшь!

— Ты совсем больная? — выдохнул он. — Знаешь что? Хочешь развода — разводишься. Хочешь съехать — сама съезжай! А я — *останусь здесь*.

Он стоял в дверях, перегородив мне путь, и смотрел на меня с таким видом, будто мы не супруги, а двое незнакомцев, случайно сцепившихся на тёмной парковке.

— Попробуй, — сказал он, поднимая подбородок. — Попробуй выгнать меня отсюда. Не стоит кусаться, Юля. Зубки обломаешь...

Он сказал это таким тоном, что по моей коже прошёл холодок. Но страха перед ним у меня не было.

— Ты уверен, что хочешь мериться со мной силой? Не боишься проиграть? — ответила я, поправляя выбившуюся прядь волос.

— Хочу увидеть, как ты это сделаешь. — Алексей сделал шаг ближе. — Ты привыкла командовать, но мериться со мной ты не потянешь. Ты можешь болтать сколько угодно своим языком, но я здесь живу и буду жить. И ты меня отсюда не выкинешь. Не нравится что-то — вали сама на все четыре стороны!

И именно в этот момент я поняла, что он действительно верит в свою неуязвимость. Верит, что достаточно погромче рявкнуть на меня — и я снова стану удобной женой.

— Ну что ж, — сказала я тихо. — Давай проверим кто кого... Ты думаешь, что я не смогу тебя выгнать? Ты плохо меня знаешь. Очень плохо!

— Это ты меня плохо знаешь, — прошипел он. — Я сказал, что не уйду отсюда! Тебе ясно? Это моя квартира тоже!

— Это — моя свобода, — ответила я. — И я не позволю тебе её забрать.

Я подняла чемодан, прошла к двери и толкнула её ногой. Она с грохотом распахнулась. Алексей побелел от злости.

— Юля, если ты сейчас сделаешь это... — выдавил он.

— Ты говоришь, я обломаю об тебя зубы?

Он кинулся вперёд, чтобы вырвать у меня чемодан, но я была быстрее. Просто вышвырнула чемодан в подъезд — так, что он с грохотом прокатился по полу и ударился о стену. Рубашки внутри, наверное, помялись — но мне было уже всё равно. Иногда вещи должны быть помяты, чтобы человек понял, что его жизнь смялась намного сильнее.

— Чтобы, когда я вернусь, тебя тут уже не было! — бросила я ему на прощанье и вышла из квартиры. У меня на сегодня было назначено одно очень важное дело, и я не могла его пропустить.

Я собиралась заглянуть в тот университет, куда моя дочь подала документы. И я собиралась сделать всё, чтобы она туда *не попала*.

Да, я чувствовала себя ужасно — предательницей. И одновременно с этим — защитницей. Матерью, которая делает грязную работу ради лучшего будущего своего ребёнка.

Вся на взводе после перепалки, я подошла к нашей машине, открыла её и...

Лучше бы я вызвала такси!

В лицо мне ударил запах воспоминаний, которые я ненавидела. Я застыла, но потом всё-таки заставила себя сесть. Это всё-таки моя машина, и я не собираюсь из-за какого-то запаха дешевых духов шлёндры кататься по городу с курящими таксистами!

Как только моя спина коснулась сиденья, перед глазами вспыхнули картинки увиденного в этой машине. Я как будто снова услышала те приглушённые звуки. Его вздох. Чужой шёпот.

— Так. Стоп. Прекрати немедленно! — я буквально приказала себе собраться. Мне нельзя было бередить эту рану — потому что она была ещё слишком свежа.

Я потянулась за ремнём, и вдруг мой взгляд зацепился за тонкий светлый волос на тёмном сиденье. Неужели тут повсюду остались следы этой девки!

Я наклонилась ближе — и вдруг, как удар током, пришло понимание.

Это же *мой* волос. Мой собственный. Я узнала этот блеск, длину, слегка выгоревший кончик после солнца.

Но облегчение не пришло — наоборот, что-то внутри стало ещё твёрже, холоднее. Потому что, если я уже путаю собственные волосы с чужими — значит, меня довели до последней точки.

Я завела двигатель, крепче сжала руль.

— Ладно, — буркнула себе под нос. — Сейчас поеду и всё решу. Сделаю то, что должна. Хотя что-то в этой семье должно быть под моим контролем...

И машина резко рванула с места, будто почувствовав мою ярость.

Но, прежде чем поехать в университет, я собиралась заглянуть на мойку и заказать полную химчистку машины — чтобы её вымыли внутри и снаружи до скрипа и идеальной чистоты. Я не хочу, чтобы в ней осталась даже пылинка от этой стервы...

Глава 15

Пока машина сушилась под потоками горячего воздуха, я пыталась собрать хоть какие-то сведения о человеке, к которому я намеревалась обратиться с деликатнейшей просьбой. Оказалось, что ректор — мужчина, но, кроме его гендера, других подробностей выяснить не удалось. Но я даже немного обрадовалась — возможно, с мужчиной будет легче договориться. Особенно, если включить немного забытого женского обаяния...

Когда машину выгнали из бокса — блестящую, вымытую до зеркального блеска, я быстро проскользнула внутрь и сразу же завела двигатель, чтобы не успеть передумать. Дорога до университета пролетела на одном дыхании — я повторяла про себя, что имею право вмешиваться в судьбу моей дочери, но совесть всё равно была неспокойна.

Машина после мойки была просто стерильная — будто та, другая, грязная, хранящая в себе липкие воспоминания, осталась в прошлом.

Но вонь предательства из памяти не вытравить даже самым дорогим шампунем.

К воротам университета я подъехала с заметной дрожью в руках.

Толпы студентов, шум, смех — всё это било по нервам. Я шла по коридору, и меня накрывало странное чувство — будто я попала не в университет, а в какую-то параллельную вселенную, где всё слишком яркое, слишком шумное, слишком... чужое.

Молодые люди толпились у стен, сидели прямо на полу, спорили, смеялись так громко, будто хотели, чтобы их слышала вся Москва. И все — абсолютно все — выглядели, мягко говоря, странновато. У одной девочки волосы были цвета спелой вишни, у другой — выкрашены наполовину в мятный, наполовину в фиолетовый; парни — с косами, тоже с цветными волосами, все в каких-то в рваных худи, кастомных шмотках, раскрашенных вручную, заляпанных красками.

Я в своём бежевом строгом платье, закрытых туфлях и с уложенными волосами — чувствовала себя здесь инородным телом.

«Неужели моя дочь хочет учиться здесь? Среди всего этого хаоса? Среди этих странных людей?»

Милена, моя идеальная девочка...

На четвёртом этаже мой путь пресекла молоденькая секретарша.

— Ректор занят, — с ходу объявила она. — У нас сейчас приём абитуриентов — горячая пора. Запись к нему на две недели вперёд. Можете оставить свой вопрос письменно...

— Нет, — отрезала я. — Мне нужно попасть к нему прямо сейчас. Вопрос жизни и смерти.

— Все родители абитуриентов так говорят... — она равнодушно пожала плечами. — Вы записывались?

— Нет. Но мне нужно срочно.

— Приём по записи. Сейчас записи нет. Приходите... — она начала листать что-то на экране. — Через три недели.

Три недели? Да за это время я просто сойду с ума.

— Послушайте, это вопрос, который нельзя откладывать, — я попыталась говорить ровно.

— Нельзя — это когда пожар, — отрезала она, поднимая на меня пустой взгляд. — А у нас вроде всё спокойно.

Она говорила мне ещё что-то про приёмные часы, про отчёты, про «он страшно занятой человек». Но во мне включилось что-то такое, необратимое, что самой стало немного страшно. Я знала, что ни за что не отступлю.

Я проскользнула мимо неё и толкнула дверь плечом. Я была слишком взвинчена, слишком напряжена, чтобы останавливаться. Я шла к своей цели на адреналине, на злости, на страхе, на той материнской отчаянной силе, которая способна снести стены.

Я шагнула внутрь.

Кабинет оказался большим, роскошным, с панорамными окнами и огромным деревянным столом. У окна стояло кожаное кресло, повернутое спинкой к двери.

Я сделала вдох, формулируя в голове правильные, убедительные фразы...

И вдруг услышала голос.

Такой знакомый, что у меня по спине пробежал холодок. Я знала этот голос. Знала его интонацию. Знала паузу между словами.

— ...да, я посмотрю это позже, — сказал он в трубку, а я стояла и чувствовала, как меня пронзает горячей иглой между рёбер.

Я замерла. Даже не дышала. Не верила.

И мгновенно — отчётливо — вспомнила руки, которые держали меня во время прогулки по ночной Москве; терпкий парфюм на его пиджаке, всё ещё живущий в моей памяти; взгляд, который я так отчаянно не хотела терять, когда захлопнулась дверь такси.

Кресло медленно повернулось.

— Максим...? — выдохнула я.

Он посмотрел на меня удивлённо и бросил в трубку:

— Я перезвоню.

Он был другой. Собранный. Холодно-уверенный. Деловой. С выражением лица человека, который привык принимать жёсткие решения, а не спасать случайных попутчиц. Отстранённый настолько, что я почувствовала, как меня обдало холодом, словно окно распахнулось в декабре.

— Вообще-то... Максим Сергеевич, — произнёс он, глядя мне прямо в глаза.

Глава 16

Я не могла поверить, что это происходит на самом деле: мужчина, от которого зависела судьба моей дочери, мужчина, которому я собиралась, если понадобится, подсовывать деньги в конверте — это он. Тот самый, с кем мы провели незабываемую ночь. Тот, которого я сама поцеловала...

Я не понимала, как вести себя, как правильно с ним говорить, как вообще существовать в этот момент. Поэтому просто смотрела на него, не способная вымолвить ни слова.

И в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.